

Экономический
и Социальный Совет

Distr.
GENERAL

E/CN.4/1994/61
20 January 1994

RUSSIAN
Original: ENGLISH

КОМИССИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
Пятидесятая сессия
Пункт 12 предварительной
повестки дня

ВОПРОС О НАРУШЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД В ЛЮБОЙ
ЧАСТИ МИРА, ОСОБЕННО В КОЛОНИАЛЬНЫХ И ДРУГИХ ЗАВИСИМЫХ
СТРАНАХ И ТЕРРИТОРИЯХ

Положение в Восточном Тиморе

Доклад Генерального секретаря

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
Введение	1 - 4	3
I. ОБНОВЛЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ДОБРЫХ УСЛУГАХ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ВОСТОЧНОМ ТИМОРЕ	5 - 12	3
II. ДЕЙСТВИЯ, ПРЕДПРИНЯТЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫМИ ДОКЛАДЧИКАМИ И РАБОЧИМИ ГРУППАМИ КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИИ ВОСТОЧНОГО ТИМОРА	13 - 21	5
A. Действия, предпринятые Специальным докладчиком по вопросу о пытках	13 - 14	5

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
В. Действия, предпринятые Специальным докладчиком по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях	15 - 16	6
С. Действия, предпринятые Рабочей группой по произвольным задержаниям	17 - 19	6
Д. Действия, предпринятые Рабочей группой по насильственным или недобровольным исчезновениям	20 - 21	7

Приложения

- I. Информация, представленная правительством Индонезии
- II. Информация, представленная правительством Португалии
- III. Материал, представленный неправительственными источниками

Введение

1. На своей сорок девятой сессии Комиссия по правам человека приняла резолюцию 1993/97, озаглавленную "Положение в Восточном Тиморе", в которой она, в частности, настоятельно призвала правительство Индонезии пригласить Специального докладчика по вопросу о пытках, Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, Рабочую группу по произвольным задержаниям и Рабочую группу по насильственным или недобровольным исчезновениям посетить Восточный Тимор и принять меры для облегчения выполнения их мандатов (пункт 9), а также постановила рассмотреть положение в Восточном Тиморе на своей пятидесятой сессии на основе докладов специальных докладчиков и рабочих групп, а также доклада Генерального секретаря, в который будет включена аналитическая подборка всей информации, полученной, в частности, от правительств, межправительственных и неправительственных организаций (пункт 12).

2. 26 августа 1993 года Генеральный секретарь направил вышеупомянутую резолюцию правительству Индонезии с просьбой сообщить ему о шагах, которые оно собирается предпринять в целях осуществления соответствующих положений этой резолюции. До настоящего времени от правительства Индонезии не было получено никакого ответа.

3. Настоящий доклад подготовлен в соответствии с просьбой в адрес Генерального секретаря, содержащейся в вышеупомянутой резолюции. В нем содержится обновленная информация о добрых услугах Генерального секретаря, а также о действиях, предпринятых тематическими специальными докладчиками и рабочими группами Комиссии по правам человека, мандаты которых имеют отношение к положению в Восточном Тиморе. Кроме того, в доклад включены три приложения, содержащие информацию, полученную от правительства Индонезии, правительства Португалии и от неправительственных источников.

4. Вниманию Комиссии по правам человека также предлагается записка Секретариата по вопросу о положении в Восточном Тиморе от 26 июля 1993 года, которая была представлена Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств на ее сорок пятой сессии (E/CN.4/Sub.2/1993/14), а также очередной доклад Генерального секретаря по вопросу о Восточном Тиморе от 20 сентября 1993 года, представленный Генеральной Ассамблее на ее сорок восьмой сессии (A/48/418).

**I. ОБНОВЛЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ДОБРЫХ УСЛУГАХ ГЕНЕРАЛЬНОГО
СЕКРЕТАРЯ В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ВОСТОЧНОМ ТИМОРЕ**

5. Со времени представления Комиссии последнего доклада между Индонезией и Португалией продолжался диалог под эгидой Генерального секретаря. Генеральный секретарь провел два раунда переговоров с министрами иностранных дел двух стран: первый - 21 апреля 1993 года в Риме и второй - 17 сентября 1993 года в Нью-Йорке. В том же контексте старший политический советник Генерального секретаря г-н Алваро де Сото провел ряд совещаний с постоянными представителями обеих сторон в Нью-Йорке. Кроме того, г-н де Сото и другие официальные лица Организации Объединенных Наций провели консультации с представителями различных политических организаций Восточного Тимора с целью учета их мнения при решении вопроса. Генеральный секретарь предполагает провести еще один раунд встреч с двумя министрами иностранных дел 6 мая 1994 года в Женеве.

6. Учитывая разногласия между двумя правительствами по вопросу о статусе Восточного Тимора, указанные переговоры сосредоточивались до сих пор на поиске возможных мер по установлению доверия, которые могли бы предпринять Индонезия и Португалия с целью создания благоприятной атмосферы для обсуждений на более поздней стадии решения основных вопросов, касающихся политического будущего Восточного Тимора.

7. Как сообщалось Генеральным секретарем Генеральной Ассамблеи в сентябре прошлого года (A/48/418), последний раунд переговоров на уровне министров позволил достичь договоренности по целому ряду вопросов, о чем говорится в заявлении представителя Генерального секретаря от 17 сентября 1993 года (SG/SM/5095), на основе чего Генеральный секретарь надеется достичь определенного прогресса в предстоящие месяцы. В частности, на встрече 17 сентября министры согласились относительно важности поощрения уважения прав человека во всех их неделимых аспектах (гражданские, политические, экономические, социальные и культурные), а также основных свобод в Восточном Тиморе и о необходимости создания благоприятной, неконфронтационной обстановки для того, чтобы дать возможность добиться определенного прогресса на пути решения указанного вопроса. Они также подтвердили важность осуществления рекомендаций, содержащихся в принятом консенсусом заявлении Председателя Комиссии по правам человека от 4 марта 1992 года, а также необходимость дальнейшего облегчения доступа в Восточный Тимор, в частности, для представителя Организации Объединенных Наций и гуманитарных организаций и организаций по правам человека. Кроме того, они согласились продолжать расширять сбалансированный обмен визитами журналистов и известных лиц их стран. Генеральный секретарь со своей стороны подтвердил намерение продолжать внимательно следить за положением в области прав человека в Восточном Тиморе в духе принятого консенсусом заявления 1992 года, сделанного Председателем Комиссии по правам человека. Министры отметили намерение Генерального секретаря осуществлять контакты, которые он считает полезными в его усилиях по оказанию помощи в решении указанного вопроса.

8. В целях получения максимальной пользы от этих первых скромных шагов, а также придания импульса процессу переговоров Генеральный секретарь направит представителя, в частности, в Португалию, Индонезию и Восточный Тимор для проведения консультаций, вероятно, в течение двухнедельного периода, начиная с 13 января 1994 года, с двумя правительствами и для поддержания контактов с различными течениями политической мысли в Восточном Тиморе.

9. В апреле 1993 года Генеральный секретарь второй раз направил своего личного посланника г-на С. Амоса Вако, Генерального прокурора Кении, в Индонезию и Восточный Тимор. Цель визита г-на Вако состояла в проведении последующих мероприятий, связанных с осуществлением рекомендаций, которые он представил Генеральному секретарю по возвращении из своей первой поездки в феврале 1992 года в связи с трагическим инцидентом, который произошел на кладбище Санта-Крус в Дили 12 ноября 1991 года. Генеральный секретарь также поручил ему провести общую конфиденциальную оценку положения в области прав человека в Восточном Тиморе.

10. Визит г-на Вако проходил с 3 по 8 апреля 1993 года, после чего он сообщил Генеральному секретарю свои выводы и представил ему рекомендации относительно того, каким образом можно было бы улучшить положение с правами человека в Восточном Тиморе. Помимо проведения подробных обсуждений с индонезийскими властями на уровне центрального правительства и на местном уровне, г-н Вако смог встретиться с рядом восточных тиморцев, в том числе с епископом города

Дили и с различными лицами, которые находились под стражей или были освобождены из заключения. Среди них были Жозе "Шанана" Гужман, находившийся в задержании руководитель вооруженного крыла Революционного фронта независимого Восточного Тимора (ФРЕТИЛИН), с которым г-н Вако встречался с глазу на глаз, а также целый ряд молодых восточных тиморцев, осужденных за их участие в организации демонстраций в ноябре 1991 года. Он также провел консультации с рядом активистов в области прав человека и представителями неправительственных организаций.

11. Генеральный секретарь довел до сведения правительства Индонезии и правительства Португалии существо выводов и рекомендаций своего личного посланника. С того времени индонезийское правительство сообщило Генеральному секретарю о своей реакции на выводы и рекомендации г-на Вако и внесло ясность в те их аспекты, которые, по его мнению, требовали уточнения. Кроме того, индонезийское правительство информировало Генерального секретаря о новых событиях, связанных с лицами, которые пропали без вести после расстрела демонстрантов в Дили 12 ноября 1991 года. По оценке правительства, число лиц, о судьбе которых после указанного инцидента ничего не известно, в настоящее время достигает 56 человек.

12. Судьба и условия содержания под стражей г-на "Шананы" Гужмана являлись предметом внимания международного сообщества. Генеральный секретарь продолжает внимательно следить за судьбой г-на Гужмана. Помимо встречи, которую личный посланник Генерального секретаря имел с г-ном Гужманом в апреле 1993 года, на заключительных этапах суда над г-ном Гужманом в мае 1993 года присутствовал наблюдатель от Секретариата Организации Объединенных Наций. Г-н Гужман был признан виновным в совершении попытки свергнуть правительство, в организации бунта против правительства, в сговоре совершить правительственный переворот, а также в незаконном владении огнестрельного оружия, и 21 мая 1993 года он был приговорен к пожизненному тюремному заключению. В августе 1993 года президент Сужарто смягчил этот приговор до 20 лет. В настоящее время г-н Гужман отбывает свой срок тюремного заключения в Джакарте.

II. ДЕЙСТВИЯ, ПРЕДПРИНЯТЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫМИ ДОКЛАДЧИКАМИ И РАБОЧИМИ ГРУППАМИ КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИИ ВОСТОЧНОГО ТИМОРА

A. Действия, предпринятые Специальным докладчиком по вопросу о пытках

13. Информация о действиях, предпринятых Специальным докладчиком по вопросу о пытках в отношении Восточного Тимора, подробно изложена в главе II доклада Специального докладчика Комиссии (см. E/CN.4/1994/31, пункты 325-343).

14. В течение 1993 года Специальный докладчик направил правительству четыре призыва к незамедлительным действиям от имени 54 восточнотиморских заключенных, в отношении которых высказывались опасения, что они могут подвергаться пыткам во время заключения. По одному случаю правительство ответило, что указанное лицо никогда не было арестовано, никогда не задерживалось и не подвергалось каким-либо притеснениям.

В. Действия, предпринятые Специальным докладчиком по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях

15. Информация о действиях, предпринятых Специальным докладчиком по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях в отношении Восточного Тимора, подробно изложена в главе IV доклада Специального докладчика Комиссии (см. E/CN.4/1994/7 пункты 343-356).

16. Согласно информации, полученной Специальным докладчиком в рассматриваемый период, краткое изложение которой было направлено правительству Индонезии, "в Восточном Тиморе продолжают особенно отмечаться нарушения права на жизнь, совершаемые индонезийскими силами безопасности. Сообщается, что по крайней мере 40 человек были казнены без суда и следствия служащими сил безопасности в 1992 году". Специальный докладчик также получил сообщения о том, что "на конец 1992 года не было известно местонахождение более 200 лиц, которые исчезли после убийства свыше 50 человек 12 ноября 1991 года в Санта-Крус. Высказывались опасения, что многие из них были убиты и захоронены в неизвестных могилах за пределами Дили или же их тела были сброшены в море". Согласно ряду сообщений, представленных Специальному докладчику, "нарушители прав человека фактически остаются безнаказанными. За очень редкими исключениями лица, ответственные за незаконные убийства или исчезновения, не привлекаются к суду и не осуждаются. Никто из 10 сотрудников служб безопасности не был привлечен к судебной ответственности в военном трибунале за убийство в связи с убийствами в ноябре 1991 года в Санта-Крус; согласно сведениям, всем им вынесли лишь легкие наказания за дисциплинарные правонарушения. Создание в августе 1992 года некоторыми членами Совета народных представителей комитета по правам человека и объявление в январе 1993 года президентом Сухарто о намерениях учредить в ближайшем будущем независимую национальную комиссию по правам человека, рассматривались как позитивные шаги в направлении укрепления защиты прав человека". Однако на момент подготовки настоящего доклада Специальный докладчик не получил никакой подробной информации о работе указанных учреждений.

С. Действия, предпринятые Рабочей группой по произвольным задержаниям

17. Информация о действиях, предпринятых Рабочей группой по произвольным задержаниям в отношении Восточного Тимора, изложена в приложении II ее доклада Комиссии (см. E/CN.4/1994/27, приложение II, решение № 36/1993). Поскольку в мандат Рабочей группы входит проведение расследований случаев произвольного задержания, Рабочая группа могла рассмотреть положение в Восточном Тиморе лишь в контексте индивидуальных случаев задержания восточных тиморцев, в отношении которых было допущено произвольное задержание. Так Рабочая группа поступила по делу с Фернандо де Арахо, восточным тиморцем, арестованным в Бали, который был обвинен и осужден за организацию демонстрации в Джакарте в знак протеста против убийства демонстрантов индонезийскими военнослужащими 12 ноября 1991 года на кладбище Санта-Крус в Дили (Восточный Тимор). Г-н Арахо был приговорен к девяти годам тюремного заключения. Рабочая группа пришла к выводу о том, что его арест и продолжающееся заключение по приговору суда являются произвольными.

18. Помимо указанного решения Председатель Рабочей группы направил правительству Индонезии 9 марта 1993 года призыв с просьбой принять незамедлительные действия по делу восточного тиморца по имени Сатурнино да

Коста Бало, уроженца Дили, который отбывал девятилетнее тюремное заключение за участие в демонстрации, которая была организована на кладбище Санта-Крус в Дили 12 ноября 1991 года. Указанный срочный призыв был вызван инцидентом, происшедшим 4 марта 1993 года, когда г-н да Коста Бало выступил в суде по делу "Шанана" Гужмана в качестве свидетеля обвинения. Он якобы выкрикивал фретилинские лозунги, в результате чего слушание было прервано. Когда час спустя слушание возобновилось, военный врач якобы заявил, что да Коста Бало не в состоянии давать показания, после чего о его судьбе не было никаких известий.

19. От индонезийского правительства был получен ответ, в котором подтверждалось, что да Коста Бало вынуждены выступить свидетелем обвинения на суде над Гужманом и в котором Рабочая группа заверялась в том, что его жизни не грозит никакая опасность, он не подвергается никоим образом жестокому обращению и что его вновь перевели в тюрьму Баукан, где он отбывает свое наказание.

D. Действия, предпринятые Рабочей группой по насильственным или недобровольным исчезновениям

20. Информация о действиях, предпринятых Рабочей группой по насильственным или недобровольным исчезновениям в отношении Восточного Тимора, подробно излагается в главе II доклада Рабочей группы Комиссии (см. E/CN.4/1994/26, пункты 260, 261 и 269). В 1993 году Рабочая группа, используя процедуру незамедлительных действий, направила правительству Индонезии сообщения о 17 новых случаях исчезновений лиц, которые якобы были арестованы в Дили, Восточный Тимор, в 1992 году без ордера на арест и которые, как сообщалось, содержатся без связи с внешним миром. Согласно сообщениям, официальные лица органов безопасности отрицали, что указанные лица были задержаны.

21. Хотя правительство Индонезии в письме от 5 ноября 1993 года представило информацию по 20 случаям исчезновений, которые ранее были препровождены Рабочей группой, оно не ответило по вышеупомянутым 17 случаям.

Приложение I

Информация, представленная правительством Индонезии

На сорок пятой сессии Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств при обсуждении пункта 6 повестки дня наблюдатель от Индонезии выступил с заявлением (см. E/CN.4/Sub.2/1993/SR.15/Add.1).

В письме от 21 сентября 1993 года временный поверенный в делах Постоянного представительства Республики Индонезии при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве препроводил помощнику Генерального секретаря по правам человека письмо индонезийского министра иностранных дел от 13 сентября 1993 года на имя Генерального секретаря, в котором говорится следующее:

"В дополнение к моему письму от 2 сентября 1992 года относительно ряда лиц, о судьбе которых неизвестно после инцидента 12 ноября 1991 года, имею честь информировать также, Ваше Превосходительство, о том, что главнокомандующий вооруженными силами представил президенту Индонезии второй отчет о результатах поисков лиц, пропавших после указанного трагического инцидента.

Как я уже сообщил в своем предыдущем письме от 2 сентября 1992 года, число пропавших лиц составило 66 человек. С того времени правительство Индонезии провело гораздо более интенсивный поиск этих лиц, используя при этом не только органы безопасности, но также персонал провинциальных органов управления, гражданские социальные институты и руководство общин, а также общественность в целом. Фамилии пропавших лиц были также сообщены населению в надежде получить от него сведения о их местонахождении. Мы также попросили тех лиц, которые ранее считались пропавшими, но которые вернулись в свои дома, оказать помощь в поиске их пропавших товарищей. Указанные интенсивные усилия дали следующие результаты.

5 ноября 1992 года один из пропавших - Альфонсо Марио - был обнаружен у себя дома. Он был опознан как один из тех, кто занимался подстрекательством демонстрантов в тот день, когда в Дили произошел инцидент. После допроса Альфонсо Марио был отпущен и впоследствии вернулся к своей семье.

14 мая 1993 года еще одно лицо, Жануарио да Консейсан, который был замешан в указанном инциденте и считался пропавшим, сдался властям и после допроса был отпущен и вернулся домой 24 мая 1993 года.

Следует отметить, что в июле 1992 года на окраине Дили были обнаружены тела четырех погибших, однако не удалось установить, входили ли погибшие в число лиц, пропавших без вести после инцидента в Дили.

Следует также отметить, что один из подстрекателей демонстрантов 12 ноября - Константин Пинто - покинул страну.

23 июня 1993 года четверо восточнотиморских юношей обратились в посольство Финляндии в Джакарте с просьбой предоставить им убежище, а еще трое обратились с аналогичной просьбой в посольство Швеции. Они покинули здания посольств после того, как их просьбы о предоставлении убежища были отклонены. В результате проверки появились серьезные основания полагать, что двое из них - Профирио да Коста де Оливейра и Клементино Фариа - являлись частью

группы лиц, судьба которых была неизвестна. Таким образом, исходя из результатов этого последнего поиска, можно сейчас предполагать, что только 57 человек числятся пропавшими без вести.

На основе полученной до сих пор информации совершенно очевидно, что вооруженные силы, провинциальные органы управления, индонезийский национальный Красный Крест, руководители общин и церквей, в том числе епископ города Дили, а также население в целом провели тщательный поиск лиц, о судьбе которых ничего неизвестно после инцидента в Дили. По этой причине имеются основания полагать, что любой дальнейший поиск не даст дополнительной информации. Вполне возможно, что лица, которые до настоящего времени считаются пропавшими, скрылись в лесах, либо спрятались, или же они не желают сообщать о своем местонахождении. Не исключается даже, что они покинули страну.

Если в будущем объявятся другие лица, которые считаются пропавшими без вести, правительство Индонезии поступит в отношении их точно так же, как оно поступило в отношении Альфонсо Марио и Жануарио да Консейсан. Их дела будут оперативно и гуманно рассмотрены и при первой возможности отпустят к их семьям.

Мы считаем, однако, что правительство Индонезии сделало все возможное, чтобы установить местонахождение лиц, о судьбе которых неизвестно после трагических событий в Дили.

Я надеюсь, г-н Генеральный секретарь, что эта дополнительная информация окажется Вам полезной в Ваших неустанных усилиях по поиску решения вопроса Восточного Тимора".

Письмом от 18 октября 1993 года Постоянный представитель Республики Индонезии при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве препроводил начальнику отдела специальных процедур Центра по правам человека список находящихся в заключении лиц из Восточного Тимора, которым было предоставлено помилование или было смягчено наказание.

СПИСОК НАХОДЯЩИХСЯ В ЗАКЛЮЧЕНИИ ЛИЦ ИЗ ВОСТОЧНОГО ТИМОРА,
КОТОРЫМ БЫЛО ПРЕДОСТАВЛЕНО ПОМИЛОВАНИЕ ИЛИ СМЯГЧЕНО НАКАЗАНИЕ

№	ФАМИЛИЯ И ИМЯ	ПРИГОВОР	СМЯГЧЕН ДО
1.	Жозе Александр Шанана ГУЖМАН	пожизненное заключение	20 лет
2.	Бонифацио ПЕРЕЙРА	6 лет тюремного заключения	4 года
3.	Карлос дос Сантош ЛЕМОШ	8 лет тюремного заключения	6 лет

**СПИСОК НАХОДЯЩИХСЯ В ЗАКЛЮЧЕНИИ ЛИЦ ИЗ ВОСТОЧНОГО ТИМОРА,
КОТОРЫМ БЫЛО ПРЕДОСТАВЛЕНО ПОМИЛОВАНИЕ ИЛИ СМЯГЧЕНО НАКАЗАНИЕ**

№	ФАМИЛИЯ И ИМЯ	ПРИГОВОР	СМЯГЧЕН НА
1.	Луис Мария ДА СИЛЬВА	10 лет	6 месяцев**
2.	Фелис Мина ДОС САНТОШ	5 лет	2 месяца*
3.	Амаро де АРАУЖО	3 года 10 месяцев	2 месяца*
4.	Бонафацио Манью ПЕРЕИРА	6 лет	2 месяца
5.	Карлос дос Сантош ЛЕМОШ	8 лет	2 месяца
6.	Альфонсо РАНГЕЛЬ	5 лет	1 месяц*
7.	Альбино ЛОРДЕШ	17 лет	6 месяцев*
8.	Марито он же Марио МИЧИЛАНДОРЕШ	17 лет	6 месяцев*

* Смягчение по-прежнему будет каждый год предоставляться каждому заключенному.

** Освобожден 17 августа 1993 года.

Письмом от 1 декабря 1993 года Постоянный представитель Республики Индонезии при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве препроводил помощнику Генерального секретаря по правам человека письмо индонезийского министра иностранных дел от 29 ноября 1993 года на имя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, которое гласило следующее:

"В дополнение к моему письму от 1 сентября 1993 года относительно числа людей, о судьбе которых до сих пор ничего неизвестно, после инцидента 12 ноября 1991 года в Дили, Восточный Тимор, имею честь информировать Ваше Превосходительство о том, что 15 сентября 1993 года некий Антони Лей, также известный как Тони, 29 лет, ранее числившийся как пропавший без вести, явился к властям Восточного Тимора.

Работник СВ Айнаро Кария из деревни Айнаро Аташ, РТ-1, район Айнаро, Антони Лей сам по своей воле явился к властям после того, как узнал, что с лицами, ранее числившимися как пропавшие без вести, которые явились к властям, хорошо обращались и их незамедлительно отпустили к своим семьям.

С учетом настоящего сообщения число лиц, о судьбе которых неизвестно, снизилось до 56 человек.

Надеюсь, г-н Генеральный секретарь, что настоящая дополнительная информация будет Вам полезна в Ваших неустанных усилиях по поиску решения вопроса Восточного Тимора".

Приложение II

ИНФОРМАЦИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ПОРТУГАЛИИ

28 июля 1993 года временный поверенный в делах Постоянного представительства Португалии при Организации Объединенных Наций направил Генеральному секретарю письмо, которое было распространено на Генеральной Ассамблее в качестве документа A/48/282.

Вербальной нотой от 13 августа 1993 года Постоянное представительство Португалии при Отделении Объединенных Наций в Женеве направило в Центр по правам человека текст заявления, сделанного наблюдателем от Португалии на сорок пятой сессии Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств по пункту 6 повестки дня (см. E/CN.4/Sub.2/1993/SR.15/Add.1), а также памятную записку от 2 августа 1993 года по вопросу о положении в Восточном Тиморе. Текст этой памятной записки гласит следующее:

"Положение в Восточном Тиморе"

1. При принятии резолюции 1992/20 в августе 1992 года Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств постановила рассмотреть положение в Восточном Тиморе на своей сорок пятой сессии.

2. Резолюция 1992/20 была принята после утверждения 4 марта 1992 года Комиссией по правам человека принятого консенсусом заявления ее президиума по вопросу о положении в области прав человека в территории, особенно после безжалостного убийства большого числа восточных тиморцев в Дили 12 ноября 1991 года индонезийскими войсками. Нет никакого сомнения в том, что Подкомиссия дала отрицательную оценку тому, каким образом индонезийские власти соблюдают положения принятого консенсусом заявления, к которому они присоединились в качестве члена Комиссии Организации Объединенных Наций по правам человека.

Подкомиссия выразила свою глубокую тревогу в связи с сообщениями о продолжающихся широко распространенных нарушениях прав человека в Восточном Тиморе и настоятельно призвала индонезийские власти выполнить свои обязательства и осуществить положения принятого консенсусом заявления, а также рекомендации Специального докладчика по вопросу о пытках, которые он сделал после своего посещения Индонезии и Восточного Тимора в ноябре 1991 года.

3. Разочарование в связи с нежеланием Индонезии обеспечить эффективное осуществление того, что было согласовано в процессе переговоров в Комиссии, также было ясно отражено на ее сорок девятой сессии, на которой была принята 22 голосами, против - 12, при 15 воздержавшихся резолюция 1993/97 о положении в Восточном Тиморе. Она явилась первой резолюцией, которая была принята за 10 лет по этому вопросу, и она ясно отражала растущую озабоченность международного сообщества в связи с серьезностью положения в области прав человека, которое отмечается в территории, а также в связи с отсутствием надлежащих действий со стороны Индонезии в целях исправления положения.

4. Фактически резолюция 1993/97 сохранила большинство положений, включенных ранее в принятое консенсусом заявление Комиссии. Здесь уместно вкратце отметить основные пункты этой резолюции и сравнить их с фактическим положением в территории, имея в виду утверждения Индонезии о том, что она соблюдает большую часть этих положений.

4.1 В резолюции 1993/97 подтверждается, что Комиссия по правам человека глубоко обеспокоена продолжающей поступать информацией о серьезных нарушениях прав человека в Восточном Тиморе. Сообщения о таких нарушениях были представлены ей Специальным докладчиком по вопросу о пытках, Специальным докладчиком по вопросам о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях и Рабочей группой по насильственным или недобровольным исчезновениям. В марте 1992 года Комиссия попросила Индонезию принять меры в целях улучшения соблюдения прав человека в территории.

Однако сообщения, поступающие из различных источников, свидетельствуют о том, что положение в этой области заметно не улучшилось, несмотря на все заверения индонезийских властей. Не прекращают иметь место внесудебные казни (40 в 1992 году в Восточном Тиморе, согласно "Международной амнистии"), "исчезновения", обычные пытки и жестокое обращение с политическими заключенными, а также произвольные аресты. "Международная амнистия" сообщает, что "не произошло никаких существенных изменений в репрессивной позиции правительства по отношению к политическим диссидентам и что по-прежнему нарушаются основные права человека со ссылкой на интересы национальной безопасности, стабильности и порядка".

Монсеньер Бело, руководитель христианско-католической общины в Дили, заявил газете "Нью-Йорк Таймс" 24 апреля 1993 года, что "люди живут в страхе в Восточном Тиморе", и добавил, что у них нет свободы слова, свободы передвижения и свободы убеждений. Он обвинил оккупационные войска в том, что они казнили ряд людей через несколько часов после того, как их схватили на кладбище в Санта Крус 12 ноября 1991 года. Он заявил, что все политические заключенные подвергаются в тюрьмах Дили пыткам (по его словам, заключенных зачастую связывают, погружают в воду и держат в воде до тех пор, пока они не захлебываются; их жгут сигаретами и имитируют казни над ними).

Как зловещее предсказание на ближайшее будущее прозвучала угроза генерала Тео Сяффея, высшего военного должностного лица, ответственного за оккупированную территорию, во время его выступления 21 июля 1993 года, о том, что индонезийские вооруженные силы не поколеблются "раздавить" любые "сепаратистские" действия в Восточном Тиморе. Это тот самый генерал Сяффей, который заявил, что если бы он руководил военными операциями в Дили 12 ноября 1991 года, то число жертв было бы несомненно более высоким.

4.2 Не было проведено никаких дальнейших расследований обстоятельств массового убийства мирных жителей 12 ноября 1991 года индонезийскими силами безопасности, а также расследований действий этих сил, включая установление личности всех, кто несет ответственность за такие убийства. Окончательный отчет Комиссии по расследованию, учрежденной индонезийским правительством, никогда не был опубликован.

4.3 Прошло более полутора лет со дня трагедии в Санта Крус, а информация о фактическом числе убитых по-прежнему отсутствует. Не были преданы гласности имена погибших, а семьи погибших до сих пор ожидают известий о местах захоронения своих близких.

4.4 Рабочая группа по насильственным или недобровольным исчезновениям передала индонезийскому правительству в ноябре 1992 года список имен 207 человек, которые, как полагают, "исчезли" во время убийства в Санта Крус. Индонезийские власти (которые официально назвали цифру в 66 человек, пропавших без вести) не только не представили какой-либо информации об участии пропавших, но также были вынуждены признаться в том, что только двое из 66 человек, все еще официально считающимися пропавшими без вести, были найдены, несмотря на все предпринятые усилия. Об этом официально заявил 12 июля 1993 года представитель индонезийских вооруженных сил генерал Сиарван Хамид.

4.5 В резолюции 1993/97 упоминается также о 13 гражданских лицах из Восточного Тимора, приговоренных после расстрела 12 ноября к длительным срокам тюремного заключения (в том числе к пожизненному заключению), хотя они не были осуждены за насильственные действия. Как и в случае с принятым на основе консенсуса заявлением 1992 года, Комиссия призвала индонезийское правительство незамедлительно освободить их, выразив сожаление по поводу явного отсутствия связи между этими жестокими приговорами и стрельбой. Индонезийские власти не предприняли в этом отношении никаких мер, и 13 восточных тиморцев все еще находятся в тюрьме.

4.6 К правительству Индонезии также обратились с призывом обеспечить, чтобы со всеми находящимися в заключении восточными тиморцами, включая видных общественных деятелей, обращались гуманно и в полной мере уважали их права, чтобы все судебные процессы были беспристрастными, справедливыми и публичными и чтобы в соответствии с международным гуманитарным правом полностью признавалось право на надлежащую судебную защиту. Упомянув о "видных общественных деятелях", совершенно ясно, что резолюция имела в виду руководителя сопротивления Восточного Тимора Шанану Гужмана, который был арестован в Дили 20 ноября 1992 года и суд над которым состоялся в индонезийском суде в столице территории.

После своего ареста г-н Гужман содержался без связи с внешним миром на протяжении 17 дней, после чего Международный комитет Красного Креста получил разрешение посетить его. В нарушение всех принципов международного гуманитарного права его несколько раз показывали в телевизионных программах во время "бесед" и "интервью", которые были тщательно подготовлены и проверены цензурой и в которых он отрекался от своих глубоких убеждений и выражал "раскаяние", обращаясь к своим товарищам в Восточном Тиморе с призывом сдаться. Индонезия заявила, что суд над ним будет открытым и будет проведен согласно индонезийскому законодательству, указывая тем самым свою готовность позволить иностранным журналистам, международным наблюдателям и дипломатам присутствовать на суде.

Не говоря уже об основной противоправности, проистекающей из того факта, что Индонезия незаконно оккупирует Восточный Тимор в нарушение Устава Организации Объединенных Наций и соответствующих резолюций Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности, суд над Шананой Гужманом (который начался 1 февраля и длился до 23 мая 1993 года) не соответствовал нормам международного гуманитарного права и, как это ни странно, самому индонезийскому уголовно-процессуальному кодексу. Судебный процесс не сопровождался никакими гарантиями беспристрастности и объективности. Предоставлялась ли помощь адвоката, когда его допрашивали? В чем заключалась свобода выбора защитника? И где были свидетели защиты, не говоря уже о том, что те, кто дал показания со стороны обвинения, сами являлись задержанными или полностью зависели от индонезийских властей. А как расценить отказ г-ну Гужману в разрешении выступить в свою собственную защиту в нарушение индонезийского закона? Переводчики, предоставленные судом, были весьма неквалифицированными и допускали неточности, что создавало помехи для участия защиты в процедуре и в заслушивании ряда свидетелей.

Приговор, вынесенный Шанане Гужману - пожизненное заключение, - представляет собой яркий пример несправедливости и бесчеловечности. Г-н Гужман был признан виновным по обвинениям в "организации бунта" и "сепаратизме" в борьбе с правлением Индонезии в Восточном Тиморе, что представляет собой норму, которая не признается на международном уровне.

Согласно "Международной амнистии", сотни восточных тиморцев содержались в заключении без связи с внешним миром на протяжении недель, предшествовавших годовщине со дня убийства 12 ноября и ареста Шананы Гужмана. Согласно сообщениям, некоторые из них были подвергнуты пыткам. Антонио Гомеш да Коста (он же Ма'Хуно), еще один руководитель восточнотиморского движения сопротивления, арестованный в начале апреля, содержался в заключении практически без связи с внешним миром. В настоящее время о возможном суде над ним ничего не известно.

После того как в апреле прошлого года г-н Амос Вако, личный посланник Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, посетил Восточный Тимор, целый ряд заключенных, с которыми он встретился по его просьбе, были переведены в Западный Тимор.

4.7 Комиссия по правам человека приветствовала более широкий доступ на территорию, который был обеспечен недавно индонезийскими властями, для организаций по правам человека и гуманитарных организаций, и призвала власти продолжать расширять этот доступ.

Фактически, как упоминалось ранее, о более широком доступе было объявлено и он был обеспечен в начале суда над г-ном Гужманом. Это позволило представителям "Эйша Уотч" и Международной комиссии юристов присутствовать на нескольких судебных заседаниях. Ряд португальских журналистов также присутствовали с начала судебного разбирательства на нескольких заседаниях. Вместе с тем любопытно отметить, что доступ на судебные заседания был облегчен в начале суда и затруднен на его заключительном этапе, когда Шанана Гужман дал ясно понять, что он собирается осудить политическую махинацию, связанную с судебным процессом в целом, и отказаться от своих первоначальных заявлений о раскаянии, с которыми, как он считает, его вынудили выступить. Сразу же после этого возникли трудности, которые помешали, в частности,

представителю Организации Объединенных Наций господину Тамрату Самуэлю присутствовать на двух заседаниях суда, а также не дали иностранным дипломатам возможности слушать ход разбирательства в зале суда.

Доступ в Восточный Тимор фактически оставался ограниченным (Индонезия, например, продолжает отказывать в доступе на территорию "Международной амнистии"), что делает почти невозможным эффективное наблюдение в области прав человека. Доступ иностранных журналистов был резко ограничен (см. A/АС.109/1154, пункт 52). Было отказано в разрешении посетить Восточный Тимор делегациям Европейского парламента, конгресса США и австралийского парламента. Еще большую тревогу вызывает тот факт, что Международный комитет Красного Креста (который, согласно тому же документу, не смог провести конфиденциальные посещения тюрем в Восточном Тиморе в 1992 году) совсем недавно в мае и в июне 1993 года был вынужден публично объявить, что ограничения, установленные на его деятельность в Восточном Тиморе, не дают ему возможность осуществить посещение политических заключенных на территории.

4.8 Комиссия по правам человека настоятельно призвала правительство Индонезии пригласить Специального докладчика по вопросу о пытках, Специального докладчика по вопросам о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, Рабочую группу по произвольным задержаниям и Рабочую группу по насильственным или недобровольным исчезновениям посетить Восточный Тимор, а также содействовать осуществлению их мандатов. До настоящего времени Индонезия не прислала им такого приглашения. Посещение страны г-ном С. Амосом Вако, личным посланником Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, было ранее согласовано и состоялось в апреле 1993 года. Г-н Вако смог встретиться с некоторыми восточными тиморцами, в том числе с г-ном Шананой Гужманом и другими заключенными. Познее генерал Сьяфей заявил, что, по его мнению, неожиданное изменение политической позиции г-на Гужмана на суде произошло в результате посещения его г-ном Вако. Указанное обвинение было публично опровергнуто представителем Генерального секретаря. Доклад г-на Вако еще не опубликован.

4.9 Подкомиссия рассмотрит вопрос о Восточном Тиморе в специально выбранный подходящий момент. Индонезия, как было ясно продемонстрировано, еще не проявила каких-либо ощутимых признаков, указывающих на ее желание выполнить просьбы как Комиссии по правам человека, так и Подкомиссии, а общее положение в области прав человека в Восточном Тиморе не улучшилось. Как и в прошлые годы, мы считаем, что Подкомиссия в свете своей ответственности в этой области должна дать оценку положению в области прав человека в Восточном Тиморе и предпринять соответствующие действия по защите прав человека и основных свобод народа Восточного Тимора, а также подчеркнуть необходимость обеспечения того, чтобы Индонезия выполняла соответствующие резолюции Комиссии по правам человека и самой Подкомиссии.

Приложение III

Материал, представленный неправительственными источниками

В течение периода, охваченного в настоящем докладе (март 1993 год - январь 1994 год), тремя основными неправительственными источниками информации по вопросу о положении в Восточном Тиморе являлись "Эйша Уотч", Международная комиссия юристов и "Международная амнистия". Материал, полученный от "Международной амнистии", был частично освещен в записке Секретариата по вопросу о положении в Восточном Тиморе, представленной Подкомиссией по предупреждению дискриминации и защите меньшинств на ее сорок пятой сессии (E/CN.4/Sub.2/1993/14, пункты 13-14).

A. Информация, представленная "Эйша Уотч"

В апреле 1993 года "Эйша Уотч" выпустила свою публикацию "Эйша Уотч", которая была посвящена в основном суду над руководителем движения сопротивления Восточного Тимора Шананой Гужманом ("Remembering History in East Timor: The Trial of Xanana Gusmao and a Follow-up to the Dili Massacre", vol. 5, No. 8), который состоялся в Дили, Восточный Тимор. Указанная организация направила на суд своего наблюдателя, который присутствовал на одном заседании суда, в ходе которого давал свои показания свидетель обвинения. Этот наблюдатель также беседовал с судьями, обвинителями и защитниками и с национальными и международными наблюдателями, которые присутствовали на предыдущих заседаниях суда. Основываясь в основном на информации, собранной в ходе вышеупомянутого заседания и бесед, наблюдатель сделал следующие выводы относительно обстоятельств ареста и условий содержания под стражей Шананы, причин обвинения его в подрывной деятельности, права на защиту и ее адекватности, роли показаний, взятых под присягой в ходе допросов, и роли находящихся в задержании свидетелей для обвинения, а также темпов и гласности судебного процесса.

Ниже излагаются выдержки из выводов, сделанных наблюдателем от "Эйша Уотч".

"Обстоятельства ареста и задержания"

...Все участники суда над Шананой, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, с которыми беседовал наблюдатель от "Эйша Уотч", заявляли, что им ничего не известно о задержании членов семьи обвиняемого.

В ходе судебного процесса Шанана подтвердил показания свидетелей обвинения относительно того, что он являлся руководителем движения за независимость и участвовал в нападениях на АБРИ, заявив, что он берет на себя ответственность за действия своих людей. Внезапные изменения позиции Шананы по вопросу о независимости Восточного Тимора и его поведение в суде, когда он без каких-либо комментариев соглашался со всем, что заявляли свидетели обвинения, вызвали горячие споры среди национальных и международных наблюдателей. Многие высказывали опасения, что заявления, записанные на видеопленку, были взяты под принуждением и что Шанана, по крайней мере, был подвергнут сильному психологическому давлению, особенно учитывая тот факт, что многие члены его семьи находились в военном заключении. Наблюдатель от "Эйша Уотч" беседовал с различными людьми, в том числе с представителями правительства и неправительственных организаций, которые имели прямой доступ к Шанане или которые наблюдали за ним в суде; никто из указанных лиц не

располагал какими-либо доказательствами, подтверждавшими утверждения о применении к нему физической пытки. Тем не менее, учитывая, что он содержался без связи с внешним миром на протяжении первых 17 дней после его ареста, указанные утверждения нельзя исключить до тех пор, пока Шанана не сможет свободно высказаться по этому вопросу.

Почему не подрывная деятельность?

Некоторые обозреватели восприняли как позитивный признак тот факт, что Шанане были предъявлены обвинения по статьям уголовного кодекса, касающимся бунта и отделения территории, а не по статье за подрывную деятельность, которая обычно применяется по отношению к политическим заключенным. По их словам, это свидетельствует о том, что индонезийское правительство все острее реагирует на внутреннюю и международную критику широко сформулированного закона о подрывной деятельности, положения которого применяются слишком неизбирательно и в котором отсутствуют основные гарантии защиты от жестокого обращения с лицами, подвергнутыми заключению на основании этого закона. (До суда лица, подозреваемые в подрывной деятельности, обычно содержатся в военных, а не в полицейских центрах заключения, и предельный срок содержания под стражей до суда не установлен.)...

...Старшее должностное лицо прокуратуры в Дили исключило "расхожее", опровергаемое в "узких кругах", утверждение о том, что против Шананы не смогли выдвинуть обвинение в подрывной деятельности; этот работник прокуратуры пояснил, что выбор был сделан чисто на основании имеющихся показаний. По его словам, обвинение в подрывной деятельности выдвигается в том случае, когда обвинители не располагают достаточными доказательствами, которые требуются согласно более строгим положениям уголовного права, или когда необходимо задержать подозреваемое лицо, либо когда властям нужно время для определения положения подозреваемого лица в тайной организации. В случае Шананы, поскольку имелись достаточные основания для выдвижения обвинений без использования широких и расплывчатых положений закона о подрывной деятельности, такой курс действия считался ненужным. Тот факт, что по делам, связанным с подрывной деятельностью, обвинению не требуются существенные доказательства, вероятно, послужило дополнительной причиной не прибегать к такому обвинению в интересах правосудия.

Право на защиту и ее адекватность

Четыре дня спустя после ареста Шананы Индонезийский институт правовой помощи (ИИП) направил генералу Три Сутрисно, тогдашнему главнокомандующему индонезийскими вооруженными силами, а в настоящее время являющемуся вице-президентом Индонезии, письмо, в котором к военнослужащим содержался призыв соблюдать положения индонезийского уголовно-процессуального кодекса (ИУПК) во время допроса Шананы. В частности, в письме подчеркивалось, что подозреваемый должен иметь право выбора себе защитника по своему усмотрению. Впоследствии ИИП получил устную, а затем письменную доверенность от членов семьи Шананы в Австралии представлять Шанану в суде. Согласно адвокатам из ИИП, в таких условиях полицейские власти обязаны по закону разрешать защитнику посещать заключенного. Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает право на контакты с защитником и право на защиту в суде в тех случаях, когда предъявляемое обвинение может повлечь за собой наказание тюремным заключением по меньшей мере сроком на 15 лет или смертную казнь.

ИИПП запросил 17 декабря 1992 года у руководства полицейского управления Джакарты разрешение встретиться со своим клиентом, однако получил отказ со стороны полковника полиции Ахвила Лутана (начальник полицейской разведывательной службы) на том основании, что Шанана якобы уже выбрал себе защитника. Не получив разрешение на встречу с Шананой, адвокаты ИИПП направили 18 декабря через официальных лиц полиции письмо Шанане. Две недели спустя полковник Ахвил показал напечатанное на машинке письмо, состоящее из трех предложений, и якобы полученное от Шананы 30 декабря, в котором он благодарил ИИПП за его предложение об оказании помощи, однако заявил без дальнейшего пояснения, что в услугах ИИПП не нуждается. Полиция также организовала перевод этого письма на индонезийский язык. Официальные лица правительства заявляют, что сам Шанана решил, что он не нуждается в услугах ИИПП и что, выполняя его пожелания не встречаться с представителями ИИПП, официальные лица тем самым соблюдают "его права".

Тем временем полковник Ахвил позволил своему другу Суджоно, известному джакартскому адвокату, встретиться с Шананой в середине декабря месяца. Согласно Суджоно, Шанана ранее заявлял, что он не нуждается в услугах защитника до начала самого суда, однако Суджоно смог завоевать доверие Шананы в течение четырех встреч с ним в декабре и январе. 26 января 1993 года Суджоно был официально назначен представлять Шанану в суде.

Назначение Суджоно выступать защитником по делу Шананы вызвало жаркие дискуссии в кругах юристов Индонезии. В своих интервью Суджоно подчеркивает свою ведущую роль в Индонезийской ассоциации юристов (ИАЮ) и поддержку, которой он пользуется в ней. Вместе с тем ряд руководителей ИАЮ в частных разговорах выразили большие сомнения относительно обстоятельств и этики, которые связаны с его назначением. В качестве причины для беспокойства выдвигались дружественные отношения Суджоно с полицией и работниками прокуратуры, его замкнутость в период после первого посещения им подзащитного в середине декабря и вплоть до объявления в конце января о назначении его защитником, а также его нежелание сотрудничать с ИИПП.

В интервью, которое Суджоно дал одному джакартскому журналу, подробно рассказывается о том, каким образом он был назначен защитником. Полковник Ахвил был студентом Суджоно в университете Панкасила в Джакарте, и они были близкими друзьями. Когда в телевизионной программе Суджоно увидел полковника Ахвила, сопровождавшего представителей МККК для встречи с Шананой, он позвонил ему, и полковник Ахвил сказал: "А не хотел бы ты заняться делом Шананы?" Суджоно ответил, что такая задача является трудной, однако Ахвил настаивал на своем. Суджоно продолжал уклоняться от предложения, затем позднее он встретился с прокурором, который также уговаривал его заняться этим делом, а затем полковник Ахвил позвонил ему еще раз. Наконец, он согласился заниматься этим делом. (Все это, по-видимому, делалось без консультации с Шананой.) Когда бравший интервью заметил: "Вас знают как адвоката, имеющего тесные связи с полицией и бюрократией", Суджоно ответил: "А что в этом плохого? Почему они должны быть моими врагами? Так я зарабатываю себе на жизнь". Позднее Суджоно сказал, что статья в журнале правильно освещает факты, однако он не доволен тем, как его изобразили.

В интервью, которое Суджоно дал наблюдателю от "Эйша Уотч", он признал, что не вдавался в подробности обстоятельств ареста и первоначального задержания Шананы, хотя допрос, приведший к даче обвиняемым письменного показания под присягой, был уже фактически закончен ко времени их первых встреч. Он заявил, что не считает, что отсутствие у него и у Шананы общего

языка представляет собой существенный барьер для связи между ними и заявил, что разговорная речь и понимание индонезийского языка у Шананы улучшаются. Когда журналист спросил его, имеются ли какие-либо препятствия языкового характера для ведения этого дела, поскольку Шанана говорит только на портуальском языке, Суджоно ответил: "Я привык заниматься делами иностранцев. Однажды я вел дело канадца, которого обвинили в торговле героином".

В день своего интервью наблюдателю от "Эйша Уотч" (12 марта, т.е. шесть недель после начала суда) Суджоно сказал, что он еще не обсудил со своим клиентом стратегию защиты. Поясняя свое нежелание представить копию показаний Шананы, данных под присягой, Суджоно заявил, что он собирается написать книгу об этом суде, из которой будет видно, что основной причиной, побудившей его выступить защитником по делу Шананы, явились соображения гласности судебного процесса.

В любом разбирательстве в индонезийском суде первая возможность для защиты выступить с возражениями против обвинений, выдвинутых обвиняемому, появляется сразу же после того, как обвинение представило обвинительный акт, и тогда защита может выдвинуть возражения по поводу относимости к делу доводов противной стороны, которые называются по-индонезийски *eksepsi*. В политических делах *eksepsi* используется для того, чтобы поднять любые вопросы, касающиеся нарушений уголовно-процессуального кодекса, допущенных при аресте и задержании обвиняемого, любые проблемы, возникающие в связи с юрисдикцией суда или применением конкретных законов, на основании которых обвиняемому предъявляются обвинения.

Eksepsi, подготовленные Суджоно, представляют собой странный документ. В них, например, полностью игнорируются нарушения уголовно-процессуального кодекса, допущенные при аресте Шананы, а также тот факт, что ни члены семьи, ни защитник не получали разрешение на встречу с ним на протяжении более двух недель после его ареста. Основная аргументация, выдвинутая в этом документе, состоит в том, что, поскольку некоторые группы в Восточном Тиморе никогда не отказывались от своего желания добиться независимости, они тем самым никогда не признавали законность индонезийских судов. В этой аргументации не затрагивается каким-либо объективным образом вопрос о юрисдикции индонезийских судов в Восточном Тиморе, и в нем не цитируются положения международного права или резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций по вопросу о самоопределении. Скорее Суджоно подчеркивает, что, поскольку организация Шананы никогда не признавала индонезийские суды законными на земле Восточного Тимора, эта организация не считает, что указанные суды обладают юрисдикцией.

Одним из элементов справедливого судебного разбирательства является достаточное время для подготовки защиты. *Eksepsi* Суджоно представляют собой короткий документ объемом в девять страниц по сравнению с *eksepsi*, подготовленными на 36 страницах защитниками Фернандо де Араужо. Объем документа необязательно является его положительной стороной, особенно в правовых документах, однако в данном случае подготовленные *eksepsi* являются малосодержательными. Однако в этом нельзя винить суд. В интервью журналу "Джакарта", о котором говорилось выше, Суджоно хвалится тем, что в первый день судебного разбирательства судьи предоставили ему неделю на подготовку *eksepsi*, а он попросил пять дней. В конце концов они согласились дать ему три дня, на что Суджоно ответил, что и в этом случае никакой проблемы не возникает, поскольку он хорошо знает вопросы, и в любом случае *eksepsi* не представляют какой-либо большой важности.

Близкие отношения Суджоно с полицией и нежелание предпринять усилия в деле защиты обвиняемого вызвали сомнения относительно того, что Шанана сам, по своей воле выбрал Суджоно в качестве своего защитника. Несмотря на эти сомнения, многие наблюдатели, в том числе официальные лица правительства и некоторые члены дипломатического корпуса, с похвалой отзывались о защите Шананы Суджоно. Суджоно и его сторонники утверждают, что мотивация его действий объясняется желанием защитить закон (а не какими-либо другими политическими мотивами) и подчеркивают его желание оплачивать из собственного кармана значительные расходы, связанные с защитой. Суджоно привлек также к защите хорошо известных юристов - д-ра Леби Локмана из индонезийского университета в Джакарте и проф. Дж.Е. Сахетапи из университета Аирланга в Сурабае.

В ходе защиты он также поднял серьезные вопросы. Он публично жаловался на трудности, связанные с установлением личности свидетелей, желавших дать показания, давая тем самым понять, что они опасаются за свою безопасность. В интервью наблюдателю от "Эйша Уотч" он пояснил, что ряд возможных свидетелей, которых он обнаружил, отказались давать показания, задав при этом вопрос "А кто гарантирует мою безопасность?". Новый губернатор Восточного Тимора Абилио Хосе Осорио публично отказался выступить в качестве свидетеля защиты и заявил, что он не позволит другим официальным лицам провинциального правительства давать показания. Необеспечение безопасности свидетелей защиты и запрещение, установленное губернатором, действительно представляют собой вопросы, относящиеся к организации справедливого судебного разбирательства и являются характерными для того состояния гражданского общества, которое сложилось в Восточном Тиморе.

Роль письменных показаний под присягой

Письменные показания под присягой представляют собой судебный документ, в котором содержатся данные под присягой показания подзащитного и свидетелей, взятые полицией в ходе допросов. В суде над Шананой и вообще в судебных процессах в Индонезии такие показания служат отправной точкой для судей и адвокатов как защиты, так и обвинения во время допроса свидетелей. Согласно индонезийской судебной системе, судьи принимают участие в допросе свидетелей и направляют ход допроса. Во время одного судебного заседания по делу Шананы, на котором присутствовал наблюдатель от "Эйша Уотч", судьи поощряли свидетелей к даче показаний и поправляли их относительно дат и времени событий, изложенных в письменном показании, данном под присягой. Один судья заявил в интервью, что свидетель "не может" оспорить в суде письменные показания, поскольку оба показания взяты под присягой. Тем не менее если во время допроса, изложенного в письменном показании, не присутствуют адвокаты или если свидетель содержится без связи с внешним миром, то в таком случае всегда существует возможность того, что свидетели, опасаясь за последствия, скажут тем, кто их допрашивает то, что те хотят слышать.

Основной упор на письменные показания под присягой является не случайным, поскольку многие свидетели по делу Шананы сами являются заключенными (о чем говорится ниже), и во время их допроса они не имели помощи защитника. Сообщают, что один свидетель обвинения Мариано Да Сильва совершенно запутался во время допроса в суде в связи с письменными показаниями, которые он дал под присягой. Было совершенно очевидно, что этот свидетель является безграмотным и что он не имеет достаточного знания индонезийского языка, чтобы понимать изложенное заявление, которое он подписал под присягой после его допроса.

На слушании, предшествовавшем слушанию, на котором присутствовал наблюдатель от "Эйша Уотч", в качестве свидетеля обвинения был вызван некто Сатурнино да Коста Бело, осужденный и приговоренный к девяти годам тюремного заключения в связи с участием в демонстрации в Санта Крус. Он вошел в зал заседания, приветствовал Шанану, выкрикнул лозунг "Да здравствует Восточный Тимор!" и поспешно удалился из зала суда. На следующем заседании обвинение предъявило документ тюремного врача, в котором говорилось, что Сатурнино не может выступать в суде по причине "психического расстройства". Вместо его показаний в суде обвинение зачитало выдержки заявления, которое было отражено в его письменном показании, данном под присягой. По просьбе защиты указанное показание было зачитано целиком. В последующих интервью судьи заявили, что этому показанию будет придан такой же вес, что и показаниям свидетелей, которые были даны в зале суда. Это соответствует уголовно-процессуальному кодексу, в котором говорится, что показания, взятые под присягой, рассматриваются, как имеющие такой же вес, что и показания свидетеля, взятые под присягой в зале суда. И это несмотря на то, что в первом случае защита не может допросить таких свидетелей.

Другой характерной чертой судебного разбирательства по делу Шананы является роль переводчика. Суд назначил двух переводчиков, которые поочередно работали во время судебного разбирательства, обеспечивая перевод с индонезийского языка на португальский или тетум - местный тиморский язык и обратно. Судьи призывали свидетелей, чтобы те выступали в основном на индонезийском языке. Во время заседания суда, на котором присутствовал наблюдатель от "Эйша Уотч", переводчик переводил разговор между главным судьей и обвиняемым, однако другая работа суда, как правило, не переводилась. Обвиняемому пришлось просить повторить и перевести выдержки из письменного показания Сатурнино; показания, данные одним свидетелем Акуилионгом на этом заседании, не были переведены. Лица, выступавшие на португальском языке, которые присутствовали на других заседаниях суда, отметили неточности перевода, например слова "a principio" ("в начале"), были переведены как "sesaga prinsip" (в принципе).

Значение находящихся в заключении свидетелей для обвинения

Тот факт, что ряд свидетелей обвинения по делу Шананы сами являются заключенными лицами, вызывает беспокойство за их безопасность и затрагивает вопросы справедливого судебного разбирательства как по данному конкретному делу, так и в отношении всей индонезийской системы правосудия. Из 30 человек, которые по данным АБРИ находятся в военном заключении в Дяли, трое выступали в качестве свидетелей на суде Шананы. 11 марта на судебном заседании должен был выступить четвертый свидетель, однако он не явился. Согласно сообщениям из других источников, несколько других свидетелей находятся в заключении. Поскольку указанные задержанные лица находятся в военном заключении и им не предъявлены обвинения в совершении какого-либо преступления, официальные лица утверждают, что они не имеют права на помощь адвоката. Однако, вполне вероятно, что этим, находящимся в заключении свидетелям, впоследствии будут предъявлены обвинения в совершении правонарушений, связанных с существом их показаний по делу Шананы. (Представителю от "Эйша Уотч", например, сообщили, что свидетель обвинения по имени Оскар Лима, бизнесмен, подозреваемый в оказании помощи ФРЕТИЛИН, который был арестован в Джакарте 27 ноября 1992 года, будет привлечен к суду.) Важным недостатком в уголовно-процессуальном кодексе Индонезии является то, что он не обеспечивает защиту свидетелей от самооговора в показаниях, которые они вынуждены давать во время суда над другими лицами.

И действительно, поскольку уголовно-процессуальный кодекс не признает право военных арестовывать или задерживать гражданских лиц, лицам, находящимся в военном заключении, без затруднений отказывают в процедурной защите, которая существует. По словам одного защитника, "Если задержание имеет место не в полицейском участке, то никакой закон не действует".

В декабре 1992 года или в январе 1993 года представители МККК посетили нескольких находящихся в заключении свидетелей. Оскара Лиму, бизнесмена, о котором говорилось выше, никогда не посещали. Индонезийские официальные лица по-разному объясняли ограничения, установленные на посещение представителями МККК. Министр иностранных дел заявил, что посещения ограничены во время мусульманского поста, который длился в 1993 году с конца февраля по конец марта. Одно старшее должностное лицо заявило, что ограничения для МККК устанавливаются в ответ на нарушения им договоренности, достигнутой с индонезийским правительством, однако это лицо не представило никаких доказательств для подкрепления такого утверждения. Другие военные официальные лица заявили, что МККК не будет разрешено посещать указанных заключенных до тех пор, пока не закончится суд, хотя ни внутреннее право, ни политика государства не устанавливают подобной основы для таких ограничений. Наоборот, самым важным временем для посещения является именно период, пока длится суд, учитывая уязвимость заключенных с целью повлиять на дачу их показаний в суде.

Хотя многие из находящихся в заключении свидетелей были арестованы в конце 1992 года, примерно в то время, когда был арестован Шанана, один свидетель, Хосе да Коста (Мау Худу, помощник Шананы), находился в заключении с 23 января 1992 года. Наблюдатели, которые присутствовали на заседании суда 22 февраля 1993 года, на котором он давал показания, сообщили, что свидетель выглядел слабым и худым. Хотя у него не было видимых признаков жестокого обращения, его внешний облик резко отличался от Шананы, который выглядел гораздо более здоровым.

Наблюдатель от "Эйша Уотч" беседовал с судьями и обвинителями по делу Шананы относительно статуса показаний находившихся в заключении свидетелей. Может ли на их показаниях сказаться тот факт, что они находятся в заключении и могут быть подвергнуты принуждению и/или тот факт, что они сами, возможно впоследствии, будут привлечены к судебной ответственности по обвинению, связанному с их показаниями по данному делу? Вызывает удивление тот факт, что судьи и обвинители по делу Шананы отрицали, что им что-либо известно о свидетелях, которые являются заключенными. Кроме того, они заявили, что в их обязанности не входит знать, являются ли свидетели заключенными лицами и что положение заключенного лица не будет влиять на весомость их показаний. Более того, судьи заявили, что даже в том случае, если они могли бы подозревать, что тот или иной свидетель находится в заключении и, возможно, подвергается плохому обращению, судья не может проявить инициативу и начать расследование до тех пор, пока сам заключенный, адвокат или член его семьи не обратятся с конкретной жалобой. Два судьи сообщили, что, хотя в их практике в ряде случаев подзащитные выдвигали обвинения в совершении над ними пыток в заключении, подзащитный всегда отказывался от своих обвинений во время очной ставки с обвиняемым официальным лицом. Их вывод сводился к тому, что такие обвинения свидетельствуют тем самым о том, что они являются фальшивыми.

Высказывалось также беспокойство относительно уязвимости для принуждения свидетелей, которые отбывают наказания по прошлым судимостям. После случая, когда 4 марта в зале суда появился на короткое время свидетель Сатурнино да Коста Бело, который выкрикнул лозунг "Да здравствует Восточный Тимор!", сообщалось, что были установлены ограничения на посещения его и других осужденных заключенных, в том числе Григорио да Кунья Салдана и Франсиско Миранда Бранко. Григорио и Франсиско были ранее осуждены за подрывную деятельность в связи с демонстрацией в Санта Крус; они были включены в список потенциальных свидетелей обвинения по делу Шананы. К моменту посещения наблюдателем от "Эйша Уотч" они еще не выступили с показаниями и должны были появиться в суде 18 марта. В середине апреля они в суде еще не выступали.

Гласность суда

Суд над Шананой был открыт для международных наблюдателей от "Эйша Уотч", Международной комиссии юристов и для членов дипломатического корпуса. Представители местной и международной прессы, в том числе журналисты из Португалии, также могли присутствовать на судебном процессе, а журналисту из австралийской радиовещательной компании даже разрешили снять фильм в зале суда. Этот суд, таким образом, является самым открытым из всех недавних политических судебных процессов в Индонезии. Если это знаменует собой решение индонезийского правительства открыть для тщательного изучения свою судебную систему, то такой шаг, несомненно, заслуживает высокой оценки.

Вместе с тем доступ, предоставленный международным наблюдателям и прессе, не был совершенно неограниченным. Было отказано "Международной амнистии" в разрешении направить своего наблюдателя в Дили для присутствия в судебном разбирательстве. Срок пребывания наблюдателя от "Эйша Уотч" в Дили был ограничен шестью днями (а не десятью, как об этом просили), в результате чего наблюдатель смог присутствовать лишь на одном заседании суда. За пределами зала суда за наблюдателем от "Эйша Уотч" следили сотрудники военной разведки, а временами его сопровождал представитель индонезийского министерства иностранных дел. Индонезийские журналисты могли послать от каждого издательства только по одному человеку и должны были представить свои полномочия за день вперед. Судебный процесс подробно освещался в новой местной газете "Суара Тимор Тимор" в Дили. Один наблюдатель заявил, что журналисты, покидавшие зал суда 4 марта, получили предупреждение не освещать инцидент, когда свидетель выкрикивал лозунг "Да здравствует Восточный Тимор"; в статье, напечатанной на следующий день в упомянутой местной газете, говорилось о "небольшом инциденте", когда свидетель выкрикнул что-то, однако не говорилось, какие слова он выкрикнул.

Вопрос о доступе к документам суда имеет огромное значение при определении качества судебного разбирательства. У представителей дипломатического корпуса в Джакарте можно было без труда достать копии обвинительного акта, возражений по поводу относимости к делу доводов противной стороны и копию ответа обвинения на указанные возражения. Текст обвинительного акта также был воспроизведен в начале февраля в газете "Суара Тимор Тимор". Ни одно официальное лицо суда не желало дать наблюдателю от "Эйша Уотч" копию письменного показания, взятого под присягой, хотя судьи и сотрудники прокуратуры заявили, что защитник Шананы знает, где можно достать этот документ. Как упоминалось ранее, Суджоно отказался дать наблюдателю от "Эйша Уотч" копию письменного показания, взятого под присягой.

Суд над Шананой не был открытым для широкой публики. Лица, желавшие присутствовать на судебных заседаниях, должны были пройти через два контрольных пункта, где имелись заранее подготовленные списки с их фамилиями. 10 марта, например, двух индонезийских граждан, фамилии которых не были включены в список, не пустили в зал заседаний, хотя там имелись свободные места. Осведомленные лица сказали, что, за исключением членов семьи Шананы, дипломатов, международных наблюдателей и представителей прессы, зал заседаний был почти целиком заполнен официальными лицами правительства, сотрудниками военной разведки, переодетыми в гражданскую одежду, и осведомителями.

Охрана в зале и вокруг здания суда была плотной, но не враждебно настроенной. Примерно 50 одетых в форму полицейских охраняли здание суда и внутреннее помещение, в то время как охранники, переодетые в гражданскую одежду и снабженные самыми современными средствами связи, оказывали помощь в рассадке приглашенных наблюдателей. Лица, прибывшие на судебное заседание, должны были сдать свои удостоверения личности и получить пропуск, после чего их подвергали поверхностному обыску и рассаживали по отведенным им местам. Один наблюдатель сообщил, что местный водитель такси был настолько запуган, что не хотел подъезжать близко к зданию суда".

В. Информация, представленная Международной комиссией юристов

После суда в Дили, Восточный Тимор, над руководителем восточнотиморского движения сопротивления Шананой Гужманом Международная комиссия юристов опубликовала доклад г-на Фредуна де Витре, адвоката из Высокого суда в Бомбее, Индия, который находился в Дили с 28 февраля по 5 марта 1993 года и присутствовал 4 марта 1993 года на заседании суда в качестве наблюдателя от Международной комиссии юристов. Этот наблюдатель от Международной комиссии юристов встретился и беседовал, в частности, с адвокатами, главным судьей и членами семьи г-на Гужмана, однако ему не разрешили встретиться с обвиняемым и обвинителями. Выводы, которые он сделал, являются следующими:

"Суд над Шананой закончился осуждением обвиняемого и вынесением ему приговора пожизненного заключения. Во всей Джакарте и Дили вопрос о его осуждении считался предрешенным задолго до вынесения судом приговора. Также почти единогласно люди сходились в том, что Шанана не будет приговорен к смертной казни. Окончательный приговор подтвердил правильность этих суждений.

Наблюдатель от МКЮ не обнаружил никаких свидетельств применения к обвиняемому физических пыток. Вместе с тем в ряде аспектов судебный процесс допустил нарушения прав обвиняемого и не соответствовал международным стандартам справедливого судебного разбирательства и даже допускал нарушения гарантий, предусмотренных индонезийским уголовно-процессуальным кодексом.

Первое нарушение прав Шананы относится к дням, последовавшим сразу после его ареста, когда во время его допроса не было его защитника. Это представляет собой явное нарушение международных стандартов и индонезийского уголовно-процессуального кодекса. Версия индонезийских властей о том, что Шанана якобы сам отказался от того, чтобы во время его допроса присутствовал защитник, не вызывает доверия и является неубедительной.

Процедура назначения защитника является еще одним вопросом, вызывающим беспокойство. Хотя лицо, назначенное в конечном итоге, являлось старшим и опытным адвокатом по уголовным делам, его тесные связи с верхушкой военных руководителей вызвали озабоченность. На протяжении всего периода оставались сомнения в том, что Шанана сам по своей воле согласился иметь его в качестве защитника.

Хотя доступ в Дили и в зал суда для многих международных наблюдателей был свободным, вызывает разочарование нежелание позволить им иметь доступ к судебным документам, обвиняемому и обвинителю.

Обнадеживающей чертой суда над Шананой являлось неприменение закона о подрывной деятельности.

Одним из самых значительных нарушений прав обвиняемого явился отказ суда разрешить Шанане зачитать его заявление защиты. МКЮ достала переведенные с индонезийского языка выдержки из заявления защиты, составленного на 28 страницах, которое было представлено в суде 17 мая 1993 года Шананой. После того как Шанана зачитал первые две страницы, судья приказал ему замолчать. Такое действие суда нарушило его права, предусмотренные индонезийским уголовно-процессуальным кодексом, и не соответствовало международно признанным процедурам справедливого судебного разбирательства.

Многие свидетели, выступившие на суде с показаниями от обвиняемой стороны по делу Шананы, сами являлись заключенными лицами, которые либо уже были осуждены, либо ожидали суда над ними. В любом случае, остаются сомнения относительно того, что их показания были полностью добровольными. Лица, ожидавшие суда, находились под большим давлением, поскольку заявления, сделанные ими в суде по делу Шананы, могли быть использованы против них в ходе суда над ними самими. С такой дилеммой столкнулся бизнесмен Оскар Лима.

Губернатор Абилио, как сообщают, заявил, что Шанана совершил убийство и преступление и должен считать себя счастливым, что его судят в Индонезии - государстве, которое верит в господство права. Сообщают, что за несколько дней до вынесения приговора Генеральный прокурор заявил, что суд не обязан выносить Шанане лишь пожизненное заключение, как этого добивается обвинение; он может вынести также и смертный приговор. Подобные заявления, сделанные в самый разгар судебного разбирательства, могут вполне оправданно рассматриваться как попытки вмешательства в судебный процесс.

С. Информация, представленная "Международной амнистией"

Помимо материала, полученного от "Международной амнистии" и включенного в документ Подкомиссии E/CN.4/Sub.2/1993/4 (пункты 13-14), эта организация представила также текст заявления, сделанного ее представителем 13 июля 1993 года в Специальном комитете Организации Объединенных Наций по деколонизации. Основные моменты этого заявления были следующими:

- Со времени последнего выступления представителя "Международной амнистии" в Специальном комитете ООН по деколонизации в августе 1992 года в репрессивной позиции индонезийского правительства по отношению к сторонникам независимости в Восточном Тиморе не произошло никаких существенных изменений. Военные власти продолжали использовать любые средства, в том числе внесудебные казни, похищения, произвольные аресты и пытки, якобы в интересах поддержания безопасности и подавления групп, выступающих за независимость.

- По-прежнему не расследовались случаи нарушений прав человека и привлечения виновных к суду.
- Подавляющее большинство лиц, арестованных в Восточном Тиморе, были арестованы произвольно, об их задержании ничего не сообщалось и их зачастую содержали без связи с внешним миром. Период задержания составлял от нескольких часов до нескольких месяцев. Большинство задержанных лиц подвергались физическим и психологическим издевательствам до их освобождения без предъявления им обвинений. С июля 1992 года свыше 400 человек были задержаны в Восточном Тиморе якобы по причине их связей с группами, выступающими за независимость, либо потому, что они являлись родственниками лиц, подозреваемых в таких связях.
- Сообщается, что пытки заключенных представляют собой широко распространенное явление; они используются против подозреваемых политических противников, включая женщин, и против их родственников, и в некоторых случаях такие действия приводят к госпитализации жертв или даже к их смерти.
- Поступали сообщения о том, что люди подвергаются аресту и впоследствии исчезают в различных районах Восточного Тимора.
- Со времени убийства на кладбище Санта Крус в Дили в ноябре 1991 года отмечались десятки новых "исчезновений" в Восточном Тиморе. Сообщалось также, что с ноября 1991 года за 18 месяцев произошло по крайней мере 45 внесудебных казней. Такие сообщения, хотя их и трудно подтвердить, свидетельствуют, по мнению "Международной амнистии", о том, что в Восточном Тиморе индонезийские войска по-прежнему совершают незаконные убийства.
